

Катерина Чулпан Хаматовой бьется в любовной истерике

«Грозу» очистили до дыр

ЗА ТЕМ, КАК ЭТО БЫЛО, НА ПРЕМЬЕРЕ В ТЕАТРЕ
«СОВРЕМЕННОК» НАБЛЮДАЛ ВЛАДИМИР ПУТИН

■ Петр КУЗЬМЕНКО

К драматургии великого русского классика Александра Николаевича Островского почти за 50-летнюю свою историю «Современник» обращается впервые. Причем не настаивает, что совершает новое прочтение классики, предупредительно обозначив в программке постановку «Грозы» как «фантазии на тему пьесы». Ну, а фантазии, как известно, могут быть самыми смелыми.

Перед премьерой в своих коротких телеинтервью режиссер Нина Чусова, уже принесшая «Современнику» успех и «Золотую маску» — Чулпан Хаматовой спектаклем «Мамапасынсобака», уверяла, что цель ее постановки — очистить пьесу Островского от пыли школьных хрестоматий. А уже после премьеры, говоря о новаторстве спектакля Владимиру Владимировичу Путину и его жене, художественный руководитель «Современника» Галина Борисовна Волчек подчеркнула: мол, мы не хотим отпугивать школьников от Островского, поэтому наша Катерина такая современная, она, например, курит...

Добавлю от себя: по-моему, она не просто курит, а курит «травку» — уж очень характерная у нее для подобных курителей манера держать сигарету. Фантазии, одним словом.

Спектакль начинается с того, как Кабаниха проникновенно читает своим приживалкам и домохозякам нравоучительную книгу, а Катерина несколько нарочито, играя покорную и трогательную девочку, ластится к ней. Но уже с первого монолога Катерины о том, как жаль, что люди не птицы и не летают, зрители становятся очевидными томления ее плоти. Этой своенравной, а то и истерически вздорной молодой женщи-

не просто скучно рядом с безвольным растяпой мужем. Казалось бы, характеры заданы — и зрителям остается следить за их развитием, ходом смелой режиссерской мысли. Но монтаж пьесы произведен режиссером очень радикально. Выбрав, с ее точки зрения, наиболее драматически-конфликтные моменты, Чусова не смогла выстроить их в единый внутренний сюжет. Поэтому есть ощущение, что классика очищена до зияющих черных смысловых дыр. Актеры то и дело исполняют этюды на заданную тему, делают это мастерски, с удовольствием. Только понять характеры — ни Катерины в исполнении Чулпан Хаматовой, ни Кабанихи — Елены Яковлевой (а на этом дуэте и выстроен спектакль) невозможно. Если в первой сцене Яковлева играет еще не старую женщину, которая бы хотела обрести вокруг себя гармонию и порядок, освященные моралью, то далее она играет (и хорошо играет!) почти патологическую любовь к сыну. Зарисовка на тему раздавленной горем женщины сменяется в исполнении Яковлевой финалом, где она — подруга Катерины, ее зеркальное отражение. То же самое происходит с ролью Катерины — цепь зарисовок на заданную тему: Катерина — ёрничающая, современная оторва, Катерина — в огне любовной, плотской страсти, Катерина — отверженная жертва. Как ни странно, в спектакле наиболее цельной и интересной стала роль Тихона в исполнении Максима Разуваева, и то лишь потому, что она оказалась на периферии режиссерских фантазий. Его добродушного, недалекого и по-детски открытого героя, оказавшегося случайной жертвой в этом Молоде чужих страстей, искренне жаль. Просто в его роли в наибольшей мере сохранен харак-

тер, человек, написанный Островским, реалистом на все времена.

А вообще-то, спектакль поставлен бойко, эффектно. Режиссер то и дело задает «многофигурным» сценам жесткий, четкий темпо-ритм, заставляя приживать Кабанихи механически шагать и произносить текст. (Жаль, но половины текста не разобрать. Хорошо бы актерам «Современника» еще раз пройти курс по технике сценической речи.) Любовная сцена Катерины и Тихона выстроена режиссером и хореографом Николаем Андреевым как пластический, почти балетный этюд, рассчитанный на аплодисменты зрителей и вызвавший их в финале первого действия. (Второе действие началось с аплодисментов Владимиру Путину и его жене, которые разместились в ложе вместе с Галиной Волчек.) В спектакле красиво выстроены световые и прочие эффекты. Интересна сценография Александра Боровского — клетки в три-четыре яруса огораживают сценическое пространство, дают воздух и возможность создания необычных мизансцен, проходов персонажей и почти акробатических номеров для Катерины Чулпан Хаматовой. В некоторых декорационных клетках — живые голуби. Это символ: герои спектакля — птицы в неволе, они хотят вырваться на свободу.

Спектакль смотрится с большим интересом, он не скучный. Чтобы самому не подводить итоги, спрячусь за авторитетное мнение знаменитого театроведа Виталия Вульфа, который, подойдя к директору Музея изобразительных искусств имени Пушкина Ирине Антоновой, сидящей передо мной, с расчетом на окружающую публику сказал: «Очень талантливо. Но никакого отношения к Островскому не имеет».

Вел.-Москва — 2004 — 19 мая — С. 6.